

После того, как Янь Хуэй ушёл, Бань Хуай одарил Жун Ся натянутой улыбкой:

- Большое спасибо, бо Жун.

Бань Хуай не любил упражнения для мозга, но он не был настолько глуп, чтобы не видеть, что Жун Ся намеренно пришёл, чтобы освободить его из засады. Он быстро огляделся и прошептал Жун Ся:

- Это касается моей дочери.

Сначала он ничего не понял, но поскольку Янь Хуэй продолжал настаивать на разговоре с ним наедине, на мужчину снизошло озарение. Но какой был смысл разговаривать с ним, решение было не в его руках.

Он не мог рассказать Жун Ся о личном деле своей семьи, поэтому просто глубокомысленно покачал головой, пытаясь намекнуть, насколько дорога дочь его семьи, что даже предложение от могущественного цзосяна не могло его тронуть. Бань Хуай чувствовал себя благородным и честным персонажем из сборников рассказов, скромным и сдержанным, не желающим кланяться за пять доу риса (1).

Его жена быстро сказала ему, что Янь фужэнь была трудным человеком, что, если его дочь не понравилась такой свекрови? Если его дочь пострадала, каким бы бессмысленным человеком он ни был, он всё равно не мог приказать людям избить свекровь. Даже Император не смог бы помочь ему, если бы это стало большой проблемой.

Женщина выходит замуж за мужчину для того, чтобы иметь еду и одежду (2). Если бы у неё была свекровь, с которой было бы трудно ладить, его дочь сильно страдала бы. От двух слов "сыновняя почтительность" у кого-нибудь перехватило бы дыхание. Его собственная невестка, давайте представим, что если бы она у него была, у Бань Хуая не хватило бы духу угнетать её, так почему же он должен был бы позволить своей собственной дочери быть угнетённой семьёй Янь?

Жун Ся мог видеть очевидное неприятие этого брака Бань Хуаем:

- Дядя, ваньбэй считает, что после заседания Императорского двора дяде нужно прояснить ситуацию с цзосяном, чтобы предотвратить ненужные недоразумения.

- Ты прав, - кивнул Бань Хуай. - Я должен был прояснить это заранее, чтобы их семья скорее сдалась.

"Ты хочешь жениться, это не значит, что мы должны согласиться, перестань мечтать".

Жун Ся рассмеялся и вернулся на своё место, приветствуя других чиновников в свободное

время, демонстрируя своё элегантное и безупречное присутствие.

* * *

Заседание Императорского двора началось после прибытия Императора, казалось, все шло гладко, пока имперский цензор не поднял вопрос о неправомерных действиях Се Чун Цзиня. Запах пороха среди чиновников снова усилился.

– Ваше Величество, Вэй Чэнь считает, что, хотя Се дажэнь якобы неадекватен в своих надзорных обязанностях, но это преступление не настолько серьёзное, пожалуйста, Ваше Величество, пересмотрите своё решение.

Этот чиновник был человеком второго принца, он говорил от имени Се Чун Цзиня, чтобы помочь будущей жене второго принца, укрепить власть семьи жены второго принца.

– Ваше Величество, если все чиновники нашего двора безразличны к своим надзорным обязанностям, то как они будут серьёзны по отношению к простым людям? – другой имперский цензор резко высказался: – Если чиновник не выполняет свои обязанности перед народом, ему лучше просто пойти домой и остаться со своими родителями.

Тон и язык этого имперского цензора были довольно несдержанными.

– Вэй Чэнь поддерживает это направление!

– Ваше Величество!

– Ваше Величество!

От шума у Императора Юнь Цина буквально начал закипать мозг, он нетерпеливо сказал:

– Се Чун Цзинь виновен в некомпетентности в надзоре, позволяя своим подчинённым обирать простых людей, эту халатность нельзя упускать из виду. Однако, поскольку он был обманут и сам не участвовал, этого человека можно простить. С сегодняшнего дня он уволен с должности, он должен выздоравливать дома и быть освобождён от других наказаний.

Итак, карьера Се Чун Цзиня подошла к концу?

У бо Чжунпина было только два сына, старший был отстранён от двора, второй потерял глаз и не мог стать чиновником. Со следующим поколением семьи Се было покончено.

– Ваше Величество, – бо Чжунпин в отчаянии опустился на колени, низко кланяясь

Императору. – Ваше Величество, с моим собачьим сыном поступили несправедливо, я прошу Ваше Величество о снисхождении.

– Се Цин, Чжэнь простил его преступление, – Император Юнь Цин нетерпеливо махнул рукой.
– Нет необходимости повторять это снова. Если бы Вы не были моими родственниками, старшего сына Се следовало отправить на границу и не возвращать в течение пяти лет.

Лицо бо Чжунпина мгновенно побледнело, только спустя долгое время он поклонился:

– Вэй Чэнь... благодарит Ваше Величество за доброту.

Его Величество не дал ему никакого лица, его дочь будет страдать после брака со вторым принцем.

Чиновники Великой династии Е обычно не становились на колени без причины, но бо Чжунпин встал на колени перед полным двором от отчаяния. Очевидно, его лицо было недостаточно большим, Император не уменьшил наказание Се Чун Цзиня.

После того, как заседание двора было завершено, бо Чжунпин немедленно отправился на поиски Бань Хуая. Его лицо было полностью красным от ненависти:

– Бань Хуай, ты слишком много на себя берёшь. Семья Се принимает к сведению твой великий дар.

Чиновники, которые всё ещё были рядом, увидели, что есть ещё одно представление, которым можно насладиться, они замедлились, чтобы украдкой посмотреть драму.

– Что за шутка. Твой старший сын, совершивший преступление, это не имеет ко мне никакого отношения, – Бань Хуай не боялся бо Чжунпина, он парировал: – Я не расследовал его дело, я не объявлял о необходимости его низложить, но ты злишься на меня. Ты думаешь, меня легко запугать, потому что у меня нет авторитета?

Чиновники почти не могли удержаться от громкого смеха. Только Бань хоу мог сказать что-то подобное, он действительно не хотел своего лица.

Бо Чжунпин не ожидал, что Бань Хуай так скажет, его лицо побагровело, когда он задохнулся от гнева:

– Бань Хуай, не занимайся казуистикой!

– Я ничего не сказал во время утреннего заседания двора, и всё же ты приходишь беспокоить меня. Разве это не издевательство над слабыми? – Бань Хуай стряхнул воображаемую пыль со

своего тела: – Этот имперский цензор хорошо сказал: чиновник, который не выполняет свои обязанности перед народом, не должен быть чиновником. Ты думаешь, что твой старший сын не виноват? – Бань Хуай поднял подбородок: – Не думай, что из-за того, что ты будешь родственником августейшей семьи, простые люди недостойны твоего внимания. Тебе необходимо знать, что Его Величество – редкий раз в тысячу лет великий правитель, если ты думаешь, что Его Величество потерпит твоё плохое поведение, тогда твоя семья Се ошибается. Очень неправильно, крайне неправильно!

После этих страстных слов Бань Хуай взмахнул рукавами и вышел из главного дворца с высоко поднятой головой и выпяченной грудью.

1. 不為五斗米折腰 (bù wèi wǔdǒumǐ zhéyāo) – литературный перевод – не кланяться за пять доу рис – идиома, которая означает нечто нестоящее, когда результат недостойн того, чтобы терпеть переносимые унижения. Эта фраза была произнесена поэтом-отшельником из династии Цзинь по имени Тао Юань Мин. Из-за трудностей, с которыми столкнулась его семья, он занял должность уездного магистрата, несмотря на своё отвращение к коррумпированному правительству. Однажды в его уезд был направлен деспотичный и высокомерный инспектор, этот хулиган потребовал, чтобы Тао Юань Мин пришёл, чтобы выразить ему уважение. Тао Юань Мин отказался переодеться в официальную форму для визита, поэтому дежурный напомнил ему, что инспектор будет расстроен. Тао Юань Мин больше не мог этого выносить, он сказал:

– Я лучше умру, чем склонюсь перед ничтожеством ради пяти доу риса (пять доу риса были зарплатой от правительства), – затем он ушёл в отставку навсегда.

2. 嫁雞隨雞 (jiàhànjiàhàn, chuānyīchīfàn) – литературный перевод – женщина выходит замуж за мужчину, чтобы иметь еду и одежду – это старое традиционное мышление. Это означает, что женщины не имеют политического и экономического статуса. Всё после совершеннолетия будет реализовываться мужем, включая еду, одежду и жильё. То есть женщин поддерживают мужчины. Женщины выходят замуж, чтобы их мужья могли их содержать.